

ЖИЗНЬ

№ 24. Выходит ежедел. (52 № в год), съ прилож. 40 кв. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-ОБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИКА, 12 кв. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр. Выдавъ 13 июля 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на ½ года—4 р., на ¼ года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Его Императорское Высочество Великий Князь Константинъ Константиновичъ въ Воевъ почилъ 2-го іюня, въ 7 ч. вечера, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, отъ припадка грудной жабы.

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССИЙСКИЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКИЙ, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯДСКИЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всемъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ:

Всемогущему Богу угодно было отозвать къ Себѣ Любезнѣйшаго двоюроднаго Дядю Нашего Великаго Князя Константина Константиновича. Его Императорское Высочество скончался, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, во 2-й день іюня, на 57 году отъ рожденія.

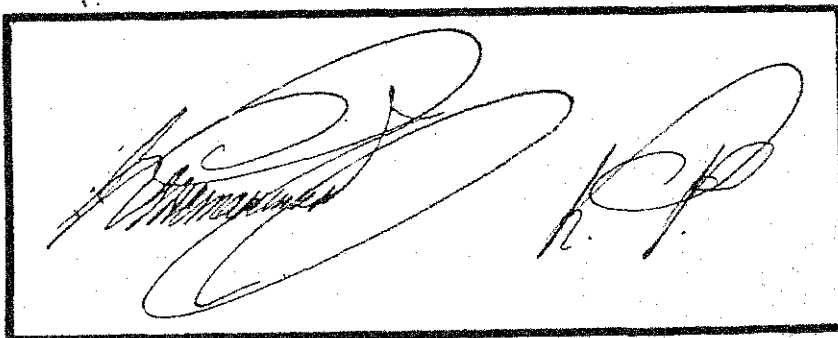
Покійный Великий Князь Константинъ Константиновичъ посвятилъ свою жизнь отечественной наукѣ и положилъ много труда и заботъ по высшему руководству дѣломъ военнаго образованія юношества, давшаго столь доблестный составъ офицеровъ, геройскіе подвиги коихъ въ настоящую войну навсегда запечатлѣются въ исторіи русской арміи.

Оплакивая утрату Любезнѣйшаго Дяди Нашего, Мы увѣрены, что все вѣроподданные Наши раздѣляютъ скорбь, постигшую Императорскій Домъ Нашъ, и соединятъ молитвы свои съ Нашими объ упокоеніи души усопшаго Великаго Князя.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, во 2-й день іюня, въ мѣсто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятнадцатое, Царствованія же Нашего въ двадцать первое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Его Императорское Высочество Великий Князь Константинъ Константиновичъ.

Гимны ненависти и гимны любви.

Очерк К. Чуковского.

Как известно, немцы оказывают англичанам особую честь: они ненавидят их больше, чем нас и французов. В стихах и прозе они заявляют, что мы и французы для них — не враги, что единственный их лютый, заклятый, навъки ненавидимый враг — англичане.

И англичане гордятся такой привилегией. Она имъ льститъ, здѣсь для нихъ — комплиментъ. Особенно нравятся имъ, что немцы

сравнению съ этимъ заклинаніемъ немецкихъ фальшровъ, есть самый кроткій младенческой лепетъ.

Даже австрийцы испугались такой кровопийственности и воскликнули въ одной вѣнской газетѣ:

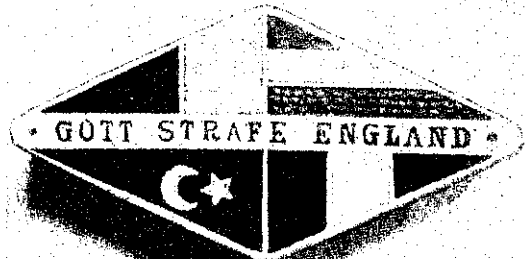
— Не пойте этой пѣсни! Мы ее ненавидимъ *)!

А тѣ, противъ кого она направлена, не только не возмущаются ею, но заучиваютъ ее наизусть, распѣваютъ ее на всѣхъ перекресткахъ и готовы даже хвастаться ею передъ тѣми своими друзьями, кои не сподобились такимъ изступленнымъ проклятіямъ.

Образецъ германскаго открытаго письма, снабженнаго сверху надписью: „Gott strafe England!“ (Боже, накажи Англію!).

именно о нихъ, объ англичанахъ, сложили свой гимнъ ненависти.

Этотъ гимнъ появился впервые въ мюнхенскомъ еженедѣльникѣ „Ligenz“, и теперь вся Германія распѣваетъ его на ряду со своимъ національнымъ гимномъ. Авторъ гимна — Эрнестъ Лиссауэръ. Такого вдохновенія злобы еще не было во всемирной словесности. Это не пѣсня, а судорога, что-то конвульсивное, бредовое, шаманское. Соберите самое злое, что написано нынѣ о немцахъ во Франціи, въ Россіи и въ Англии, — все на ряду съ этой пѣсней покажется добродушнымъ. Та русская „Анаэма Вильгельму Гордому“, которую я процитирую ниже, по

Германскій значокъ-брошь, составленный изъ союзныхъ национальныхъ цвѣтовъ: Германіи, Австро-Венгріи и Турціи, съ надписью: „Gott strafe England!“ (Боже, накажи Англію!).

„Все же главная злоба кайзера направлена противъ насъ, англичанъ, — кичится въ своемъ письмѣ британскій маэросъ Томасъ Уудъ. — Видъ пѣсни ненависти посвящена только намъ!“

Предлагаю эту пѣсню въ послѣднемъ моемъ переводѣ, гдѣ и пытаюсь передать ея хаотически-заклинательный духъ, доходящій порою до транса.

И французы и русскіе намъ ни почемъ:
То они насъ любятъ, а то мы ихъ побьемъ.
Мы для нихъ не друзья, мы для нихъ не враги,
Мы отъ нихъ защищаемъ свои очаги.

Но есть у насъ ненависть, одна, одна!
Она намъ на вѣки вѣковъ дана!
Ее мы выпьемъ до дна, до дна!
Вудъ проклятъ нашъ единственный врагъ!

Онь извѣстенъ вамъ всѣхъ, онъ извѣстенъ намъ всѣмъ!
Онъ въ берлогѣ засѣлъ, какъ драконъ.
Онъ отъ злобы, отъ зависти, онъ отъ проети пѣтъ,
Онъ, какъ кровью, водой окруженъ!

Идемъ же и встанемъ, какъ на Страшномъ Судѣ,
И страшную клятву дадимъ.
Та клятва изъ бронзы: не растаетъ въ водѣ,
Не развѣется вѣтромъ, какъ дымъ.

Внимай же присягѣ, повторай же присягу,
Передай ее дѣтямъ и дѣтямъ дѣтей,
Освяти ею пушку, и пулю, и шпалу, —
Вѣрна вся Германія ей!

Одна у насъ ненависть, одна, одна,
Она намъ на вѣки вѣковъ дана,
Мы выпьемъ ее до дна, до дна,
Одинъ у насъ единственный врагъ —
Англія!!!

И французы и русскіе — намъ ни почемъ:
То они насъ любятъ, а то мы ихъ побьемъ,
Мы сражаемся съ ними огнемъ и мечомъ,
А миръ къ намъ придетъ, мы мириться поидемъ!

Но къ вамъ кавъ злоба —
До гроба.
Злоба всегда и вездѣ,
Злоба на землѣ, на водѣ
Злоба нашихъ рукъ и головъ,
Злоба нашихъ царей и рабовъ,
Злоба нашихъ молотковъ и желзовъ,
Злоба милліоновъ людей,
Злоба въ милліонахъ грудей, —

The Hymn of Hate: or, The Teuton in his Tantrums.

In Quires and Places where they sing,
The Germans make the vaffers ring,
Throughout the cultured Vaterland,
With Hymns of Hate, by high command.
A rage that's impotent, of envy born,
We greet with laughter — and a touch of scorn.

List to their crazy chorus: "Woe
To England, she's our only foe!"
Alas, they likewise will spend
The Tuck, who is their only friend.
"This noble, deep and patient land"
Appears to have a bad attack of bile.

"God punish England!" is their cry
Directed to the Throne on High,
An order, mark you, not a prayer,
Sure symptom of a "crise de nerfs."
Thank Heaven, to Germans we are not Germans,
No hate-wave melts the ice of our disdain.

„Gott strafe England!“ (Боже, накажи Англію!) — гимнъ ненависти, распѣваемый немцами въ храмахъ, общественныхъ собраніяхъ, на улицахъ и въ частныхъ домахъ. Вверху — изображеніе Вильгельма.

*) „Daily Chronicle“ 1914, Dec. 11.

Захваченный в плен экипаж германской подводной лодки на улицах Лондона.

Одна у нас злоба, одна,
Она нам на вѣки дана,
Мы выщемъ ее до дна:
Нашъ лютой единственный врагъ —
Англія!!!

Независть къ англичанамъ сказана
не только въ этомъ чудовищномъ
гимнѣ. Вслѣдъ за нимъ въ Германіи
появились особые жетоны и броши съ
такимъ милымъ обращеніемъ къ Богу:

„Боже, накажи Англію! Gott strafe England!“ (см. стр. 465).

Встрѣчаясь на улицахъ, нѣмцы,
по собственнымъ ихъ заявленіямъ,
уже не говорятъ другъ другу „здравствуйте“, а произносятъ ту же сакраментальную формулу. Одинъ го-

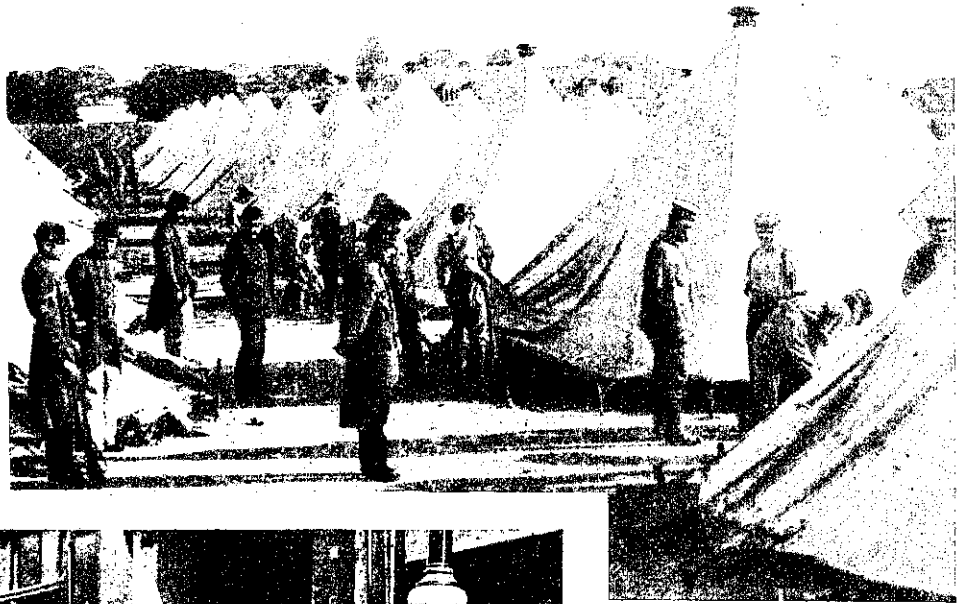
воритъ: „Gott strafe England!“, а другой отвѣчаетъ: „Gott mög' es strafen!“ (Накажи ее, Боже!). На открытыхъ письмахъ (см. стр. 465), на ресторанныхъ счетахъ, на официальныхъ бумагахъ и даже на выѣскахъ печатается то же воззваніе.

Англичанъ и это забавляетъ. Приятно быть предметомъ такой прости. Одинъ англійскій поэтъ началъ по этому поводу слѣдующее:

„Боже, накажи Англію!“ — кричатъ Господу Богу германцы. — Это не молитва, а военная команда, приказъ... Мы же къ нѣмцамъ не питаемъ злобы: ихъ безсилную злобу, порожденную завистью, мы встрѣчаемъ смѣхомъ, не лишенымъ презрѣнія“. (Стихотв. W. K. C. въ журналѣ „Graphic“).

Таково отношеніе всей націи. Если бы кто-нибудь въ Лондонѣ, на Шиккандли или Трафальгаръ-Скверъ, выставилъ, въ отместку нѣмцамъ, плакатъ: „Боже, накажи Германію!“ — отъ него отвернулись бы, какъ отъ помѣшаннаго.

Ужъ мы теперь не скажемъ:
Ни здравствуй, ни прощай,

Пленные германцы во Франціи.

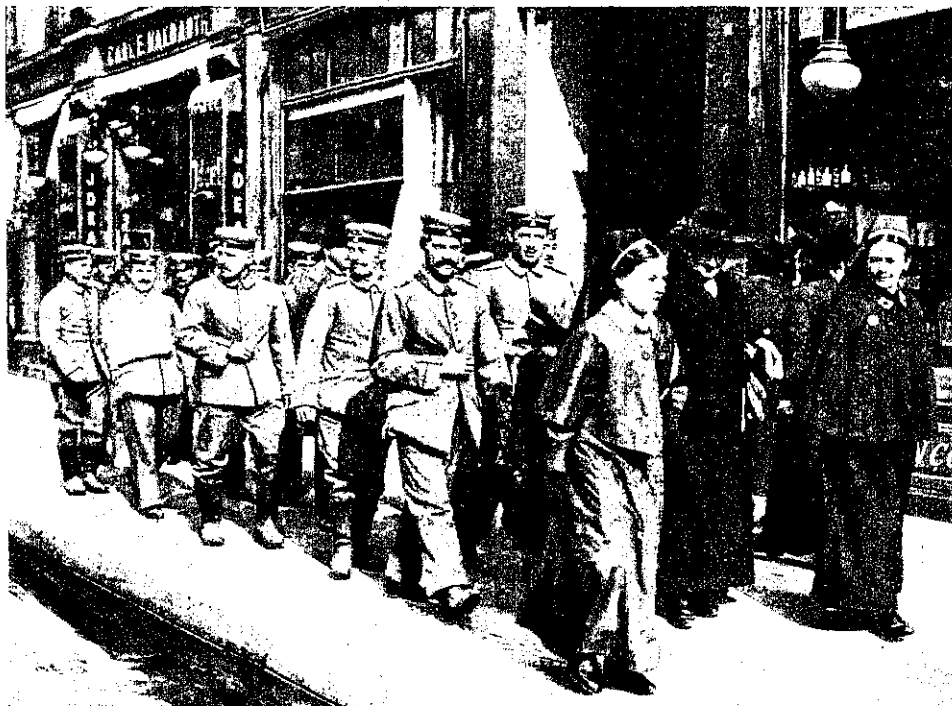
Мы только скажемъ: Боже!
Британцевъ покарай! —

восклицаетъ въ „Lustige Blätter“
нѣмецкій лѣнта Гохниттеръ.

На идрахъ и на бомбахъ
Нашлемъ мы одно:
Господнее проклятіе
Британцамъ суждено.

Свпидовымъ ураганомъ
На нихъ мы налетимъ
И каждое жилище
Въ кладбище превратимъ *).

и т. д., въ такомъ же набожно-религіозномъ стилѣ. Какъ я уже указывалъ, даже австрійцевъ шокируетъ такая безшабашная проповѣдь злобы: даже имъ, разорителямъ Сербіи, приверженцамъ пули думъ-думъ, противны прусскіе гимны о ненависти. Прекрасную отвѣдь гимну Лиссауэра дала австрійская газета „Fremdenblatt“; я нашелъ переводъ этой отвѣди въ лондонской газетѣ

Въ Берлинѣ. Раненые нѣмецкіе солдаты на прогулкѣ, въ сопровожденіи сестеръ милосердія.

*). Буквально: Making each English homestead a mansion of the dead. „The Great War“ ed. by H. W. Wilson. Part 28.

„Daily Chronicle“, и вот перевожу съ перевода.
Австрийцы обращаются къ германцамъ:

Не пойте намъ пѣсни о ненависти,
Для насъ это ненавистная пѣсня.
Она душитъ австрийца чужда.
Мы сражася не ради ненависти,
Но противъ ненависти, противъ коварства и
жадности (!?),

Которыя весь миръ превратили въ пожарнице.
Для этого намъ нужна чистая совесть,
Намъ нужно чистое сердце.
Будемъ же держать въ себѣ

То состраданіе къ ближнему, что обнаружилъ
лиши солдаты,
Когда они отдавали свой хлѣбъ умирающему съ
голода врагу (!?).

Это состраданіе необходимо и намъ.
Ибо наши дѣти страдаютъ, страдаютъ наши
старцы и женщины.

Не отравляйте же ненавистью нѣжныя души дѣтей,
Не отравляйте ихъ изменной жалдой мести,
Вѣдь мы ради нашихъ дѣтей и сражася,
Ради молодыхъ поколѣній.

Кто съестъ ненависть, тотъ ее и пожнетъ,
Памь же нуженъ миръ всего міра,
И да исполнить его намъ Господь поскорѣе.

Жаль, что австрийцы не обнаружили столь воз-
вышенныхъ христіанскихъ чувствъ до карательной
экспедиціи въ Бѣлградъ.

Конечно, пруссаки не выслушали призыву
своихъ „миролюбивыхъ“ союзниковъ и, какъ сообщаетъ француз-
ская пресса, ввели даже въ солдатскіе окопы свою молитву о
гибели Англій. Въ журналѣ „L'Illustration“ обнародовано такое
письмо одного нѣмецкаго офицера: „Въ моемъ корпусѣ всѣ офи-
церы и нижніе чины замѣнили обычные привѣтствія словами:
„Боже, накажи Англію!“ и „Накажи ее, Боже!“

Какъ непохожи всѣ эти пѣсни проклятій, гимны ненависти,
гимны злобы, на произведеніе такого же рода, написанное рус-
скимъ мужикомъ.

Съ виду это тотъ же гимнъ ненависти, какъ ясно ужь изъ
самаго названія: „Анаэма Вильгельму Гордому“, но на дѣлѣ это —
гимнъ любви.

Авторъ не только не питаетъ вражды ко всему народу нѣ-
мецкому, но именно о немъ-то и хлопочетъ, мечтаетъ его спасти,
сблизить предостеречь его о той неминуемой безднѣ, куда его
влечетъ Вильгельмъ, Братъ Сатаны, Царь-Анаэма.

Онъ, крестьянинъ села Иванова Московской губерніи, затѣялъ
открыть наконецъ глаза ослѣпленной Нѣмецкой Націи. Онъ
увѣренъ, что сблизитъ только нѣмцамъ прочтати его „Анаэму
Вильгельму Антихристу“, какъ всѣ они точася поймутъ, у кого
они оказались въ когтяхъ, распахотя, переродятся и спасутся.

„Ваше Высокоблагородіе Екатерина. Николаевна! — пишетъ
онъ своей знакомой барынѣ. — Предлагаемый листъ обращеніе

У Дарданеллъ. Доставка мяса на французскую эскадру.

къ Вильгельму Жестокосердому перепишите на нѣмецкій языкъ,
и нельзя ли послать его народу (нѣмецкому)? Пора имъ понять,
куда ихъ влечетъ гордый умъ. Спасая другихъ, самъ спасешься.
Вы сами лично счастливалъ, васъ избавилъ Богъ; дайте же хоть
сотую долю другимъ утѣшенія, укажите ужасъ, который можетъ
увеличиться. Люди не видятъ, и вотъ уничтожаютъ себя, какъ
нѣкогда басня Крылова. Безумцы! Хотѣли камнями боговъ побить,
а на дѣлѣ камнѣ на нихъ дѣтали и ихъ самихъ били. Такъ и
теперь. Какъ будто варваръ бьетъ другихъ, а на дѣлѣ уничто-
жаетъ самъ себя“...

Крестьянинъ села Иванова пожалѣлъ слѣсныхъ, погибающихъ
„варваровъ“. Съ самымъ жестокимъ врагамъ-супостатамъ у него
нашлося состраданіе. Онъ бы въ долѣ съезетъ ни за что не
повѣсилъ таблички: „Gott strafe Deuschland!“ У него лозунгъ другой:
„Боже, спаси Германію, верни ей разумъ, просвѣти ея очн!“ Не-
нависть къ народамъ и странамъ ему совершенно чужда. Все
свое негодование онъ устремилъ на Вильгельма, котораго считаетъ
единственнымъ зачинателемъ бѣды. Здѣсь такая возвышенность
чувствъ, что многіе доморожденные наши Лиссауары будутъ его
притыжены и сконфужены.

И когда знаешь ту великолѣпную, истинно-христіанскую цѣль,
ради которой написана эта „Анаэма“, то уже не пугаешься ея наро-
চিতой свирѣпости. Вотъ она въ наиболее яркихъ ея выраженіяхъ:

„Анаэма, Анаэма Вильгельму Гордому! Поднявшій мечъ отъ меча
и погибнетъ! Вильгельмъ-царь, братъ
Сатаны! Царь Варваровъ! Зачѣмъ ты
влечешь свой народъ на погибель?..
Жестокосердый Царь! мало тебѣ было,
что твоя страна была въ цвѣтущемъ
положеніи, мало тебѣ было, что твой
народъ богатѣетъ; нѣтъ, ты взялъ
гордость Сатаны: „вѣтъ Бога, а я
самъ буду богъ, буду управлять всѣмъ
миромъ!“ На это я тебѣ, простецъ,
отвѣчаю: да будь ты сверженъ, какъ
твой покровитель Сатана, который
радуется твоимъ дѣвнїямъ. Рѣки слезъ,
милліоны смертей, милліоны страда-
ній, милліоны терзаній, — все дѣло
рукъ твоихъ! За все это будь ты
проклятъ со всѣми твоими едино-
мысленниками и создателями Ад-
скаго мученія всѣмъ живущимъ на
землѣ. Проклятъ анаэма и чады
твой некоренятся до конца, и каждый
день тебѣ и чадамъ твоимъ — прокля-
те! Лжецъ! Ты караль Россію, теперь
жди ея кары, какъ кары Божьей“.

И подписано: Душа Русскаво Чи-
ловѣка.

Душа эта не слишкомъ-то грамот-
ная: что ни слово, то орфографиче-
скій перлъ, — но, я думаю, это душа
неплохая, это душа превосходная:
вѣдь даже гимнъ злобы и ненависти
вызванъ у нея чувствомъ любви.

Адмиралъ Гепраттъ, командующій французской эскадрой въ Дарданеллахъ.